

Ю. М. Галкина
**ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА ФРАНЦУЗСКИХ ЖЕНЩИН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-87-95

УДК 94(44)“1914/1918”

ББК 63.3(4Фра)6

В статье рассматривается проблема психического здоровья французских женщин в годы Первой мировой войны, до сих пор не нашедшая освещения в западной историографической традиции. Автор рассматривает случаи проявившихся расстройств женской психики, которые были вызваны или спровоцированы состоянием военных действий, социально-стрессовой обстановкой конфликта 1914–1918 гг. Источниковой базой исследования послужили профессиональные медицинские журналы в области психиатрии и неврологии, а также издания медицинских ассоциаций. Выявленные клинические случаи позволили выделить и классифицировать основные триггеры психических расстройств, которыми оказались: потеря родственника на фронте, события, сопровождающие состояние оккупации, воздействие пропаганды. Автор также прослеживает способы избавления от душевного расстройства: помимо стационарного лечения в психиатрических учреждениях, женщины, испытывавшие травматические последствия Первой мировой войны, находили утешение в оккультных практиках, организации общения с единомышленницами, злоупотреблении алкоголем. Исследование актуально в контексте дискуссионного вопроса об этиологии психических расстройств: на рубеже XIX–XX вв. в европейской и отечественной медицине господствовал дискурс о вырождении, а также идея о наследственности как источнике психических заболеваний населения. По мнению некоторых французских исследователей, Первая мировая война поставила под сомнение эту убежденность, заставив представителей медицинской науки пересмотреть свои взгляды ввиду поступления пациентов, ранее не имевших в анамнезе психиатрических диагнозов, в стационары профильных лечебниц.

Ключевые слова: *психиатрия, гендер, Первая мировая война, Франция, медицина, ментальное здоровье*

Несмотря на то, что гендерные исследования являются востребованным научным направлением в современной Европе, а Великая война длительное время сохраняла свой катастрофический масштаб в пределах семейной памяти,¹ следует признать, что проблема сохранения ментального здоровья у женщин в годы Первой мировой войны является слабо изученной. Очевидно, что социально-стрессовый фон рубежа XIX–XX вв., связанный с процессом развития современных структур, оказал существенное влияние на психологическое состояние европейцев,² а конфликт 1914–1918 гг. углубил состояние напряженности, выведя женщин в

авангард социальной и экономической жизни. Работа на промышленных предприятиях, в госпиталях, выросшая нагрузка в сфере управления домохозяйством — все это, безусловно, влияло на эмоциональный фон французских женщин. Большинство исследований о неврологических и психических дисфункциях проводилось в отношении представителей мужского пола, страдавших психическими расстройствами, полученными в годы Первой мировой войны в результате травм, контузий и т. д., в фокусе внимания исследователей также находились вопросы, связанные с военной психологией, а именно проблема подчинения/неподчинения в рамках военной иерархии.

Французская историография психиатрии длительное время была сосредоточена на изучении наследия XVIII–XIX вв. Тем не менее за последние 15 лет стали появляться исследования, посвященные деятельности врачей-психиатров и положению душевнобольных в XX в. (в основном они относятся к периоду Второй мировой войны).³ Несмотря на отсутствие

¹ См.: Guillemain H. Schizophrènes au XXe siècle. Des effets secondaires de l'histoire. Paris, 2018. P. 116.

² См., напр.: Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017.

Галкина Юлия Михайловна — к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: galkinskaya@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия» (рук. О. С. Поршнева)

³ См.: Dufaud G. Les fous de Bruxelles // La vie des idées. 2014. 27 Août. URL: <https://lavedesidees.fr/Psychiatrie-bruxelloise.html> (дата обращения: 20.12.2022).

комплексных работ, посвященных женским психическим расстройствам в годы Великой войны, мы все же можем опереться на ряд исследований, затрагивающих проблемы психического нездоровья французов в начале XX в., а также практики насилия в ходе военных конфликтов. В первую очередь следует упомянуть исследования С. Тизона «С фронта — в лечебницу, 1914–1918»,⁴ Э. Гийемена «Больные шизофренией в XX в.»,⁵ совместное исследование С. Тизона, Э. Гийемена и Л. Гиньяра «Опыты безумия. Преступники, солдаты, пациенты в психиатрии XIX–XX вв.»,⁶ а также работы С. Одуэна-Рузо «Дети врага 1914–1918 гг.»,⁷ А. Беккер и Э. Дебрейна, разрабатывавших проблемы, связанные с военным насилием и оккупацией.⁸ Сюжеты, освещающие эмоциональное состояние европейцев в годы Первой мировой войны и проживание траурных практик в межвоенный период, рассмотрел Б. Кабан.⁹ В работах Б. Мажерюса нашли отражение вопросы организации психиатрических лечебниц, эволюции медицинских доктрин в XX в.¹⁰

В статье мы сделаем попытку установить основные факторы, спровоцировавшие появление психических расстройств у женщин, на примере наиболее ярких клинических случаев. В центре внимания окажутся как психотические расстройства, сопровождающиеся необратимыми последствиями для психики, так и непсихотические и социально-стрессовые расстройства, вызванные фактом резкой смены условий жизни и социальной самоидентификации. В качестве источниковой базы использованы профессиональные медицинские журналы, такие как: «Профилактика душевных болезней» (ежеквартальное издание Лиги психогигиены), «Медицинско-психологические анналы» (выходил с периодичностью два тома

в год), «Бюллетень клиницистов в области психиатрии» (ежегодное издание), «Психическая гигиена: журнал практической психиатрии» (ежемесячное издание). Статей, специально посвященных психическим расстройствам женщин, в указанных изданиях не публиковалось, их опыт не рассматривался врачами как особый, отличный от мужского. В ходе подготовки статьи анализировались случаи, напрямую связанные с опытом Первой мировой войны, что было отрефлектировано психиатрами. В выборке числились журналы за период с 1915 по 1927 гг., затронувшие военное время, а также межвоенный период как временной интервал, в который могли манифестировать расстройства, приобретенные в 1914–1918 гг.

Прежде чем приступить к анализу источникового и историографического материала, следует обозначить ряд методологических трудностей. Очевидно, что в начале XX в. определения расстройств, считавшихся психическими (душевными), разительно отличались от современных характеристик и классификаций, так как в разные эпохи меняются не только методы терапии, но и обозначения критических состояний. Как отмечал Ж. Старобинский, в прошлом практически невозможно обнаружить привычные для нас сегодня нозологические категории.¹¹ Поэтому в каждом конкретном клиническом случае по мере возможности мы постараемся соотнести описываемые в первой трети XX в. симптомокомплексы с современными нозологиями. Необходимо, однако, понимать, что в отсутствии возможности беседовать с пациентом или по меньшей мере ознакомиться с больничной картой попытка привести расстройство в соответствие с современными дефинициями является в значительной мере условной, тем более что описание расстройств в профессиональной литературе является результатом критического осмысления лечащим врачом собственного совокупного опыта и поэтому статично, лишено богатства деталей (за исключением тех, что необходимы для постановки диагноза), говорящих о личности больного.

Объектом нашего изучения станет проблема психических расстройств у женщин Франции в годы Первой мировой войны, понимаемых в терминах рубежа XIX–XX вв. как «безумие» или «психическое отчуждение» (термины считались взаимозаменяемыми). В свою очередь,

⁴ Tison S., Guillemain H. Du front à l'asile 1914–1918. Paris, 2013.

⁵ Guillemain H. Op. cit.

⁶ Guignard L., Guillemain H., Tison S. Expériences de la folie. Criminels, soldats, patients en psychiatrie (XIX–XXe siècle). Rennes, 2013.

⁷ Audoin-Rouzeau S. L'enfant de l'ennemi 1914–1918. Viol, avortement, infanticide pendant la Grande Guerre. Paris, 1995.

⁸ Becker A. Guerre totale et troubles mentaux // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2000. Vol. 55, iss. 1. P. 135–151; Debryne E. Les «femmes à Boches» en Belgique et en France occupée (1914–1918) // Revue du Nord. 2014. № 1–2 (404–405). P. 157–185. URL: <https://www.cairn.info/revue-du-nord-2014-1-page-157.htm> (дата обращения: 20.12.2022); Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14–18, retrouver la Guerre. Paris, 2000.

⁹ Cabanes B. Ennui et expérience de guerre. L'émergence d'un discours scientifique au XXe siècle // L'ennui. Histoire d'un état d'âme (XIX–XXe siècle). Paris, 2012; Idem. La victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français 1918–1920. Paris, 2014.

¹⁰ Majerus B. Parmi les fous. Une histoire sociale de la psychiatrie au XXe siècle. Rennes, 2013.

¹¹ См.: Старобинский Ж. Чернила меланхолии. М., 2022. С. 19.

безумие понималось как «заболевание головного мозга, характеризующееся расстройством чувствительности, интеллекта и воли»; подобное определение было дано еще легендарным французским врачом Эскиролем в начале XIX в.¹² и оставалось актуальным в начале XX в.

Еще одной существенной проблемой является отсутствие централизованной статистики не только по женским расстройствам, но даже по мужским военным неврозам. По мнению А. Беккер, французские врачи стремились отрицать рост числа психических заболеваний во время войны, бойцы, пережившие шок в окопах, рассматривались как симулянты, «плохие французы», уклоняющиеся от патриотического долга. Фиксация патологии в данном случае означала бы отказ «поддержать войну». Таким образом, подобные больные были отнесены в категорию «страдающих от бремени наследственности» — представителей рабочего класса и выходцев из семей, где родители страдали алкоголизмом.¹³ Этот дискурс (наследственности как первопричины «душевных расстройств»), характерный как для российской, так и для европейской психиатрии, ярко описал психиатр П. И. Ковалевский: «Никогда не должны родители забывать о том, что в их организме таится яд сифилиса, пьянства, морфиномании, эпилепсия, душевное расстройство и т. п. и неустанно они должны осведомляться у опытных медиков — в какой мере их внутренний враг грозит им и их потомству».¹⁴ Тем не менее авторитетные врачи, в частности доктор Э. Тулуз, главный врач лечебницы в Вильжуиф в 1921 г., утверждали, что война благоприятствовала развитию неврастения. Доктор Ж. Жениль-Перрен в 1928 г. в статье «Астения и современный невроз» отмечал, что больных с каждым днем «становится все больше и те, кто получил какие-либо нарушения психики после войны, составляют не менее двух третей клиентуры специалистов». Считалось, что «необходимо успокоить их, вывести из них токсины и, наконец, провести в отношении них индивидуальную работу по перевоспитанию».¹⁵

Проанализировав комплекс клинических случаев, описанных в профессиональной ме-

дицинской литературе и французской историографии, мы можем выделить следующие травмирующие факторы, способствовавшие манифестации психического расстройства (заметим, что представленная категоризация соответствует образу мышления психиатров первой трети XX в.):

1. Действие пропаганды, чувствительность к атмосфере социального возбуждения в периоды крупных национальных потрясений, ситуация «патриотического подъема», отсутствие возможности реализовать стремление попасть в зону боевых действий, чтобы принять деятельное участие в борьбе с врагом.

2. Сексуальное насилие в период оккупации, голод в оккупированной зоне, депортации населения, сама ситуация оккупации как пространство нестабильности, смены политической и социальной нормы в целом.

3. Потеря на войне близкого родственника/кормильца, ранения близких родственников.

Французские исследователи подчеркивают, что среди пациентов, помещенных в *Maison Blanche*¹⁶ в 1920-е гг., «Великая война присутствует повсеместно». Как записано в истории болезни Люсиль Р., «она устанавливает прочную связь между мобилизацией мужчин ее семьи в 1914–1918 гг. и ухудшением ее психического состояния в 1917 г., накануне помещения в психиатрическое учреждение».¹⁷

Случай Эльзы Д. из Нормандии (госпитализирована в психиатрический стационар в 1927 г.) — один из классических примеров проявления психопатологии, связанной с потерей супруга (он покончил жизнь самоубийством) в годы Великой войны. Она быстро вышла замуж повторно, но смерть первого супруга оказала на нее травмирующее воздействие. Встречаясь одновременно с несколькими любовниками, в состоянии острого психоза Эльза полагала их реинкарнациями первого мужа. Однако скандалы из-за супружеской неверности вынудили семью сменить место проживания: именно с этого момента в голове Эльзы зародились «идеи независимости», которые вылились в покушение на убийство — попытку отравления супруга ртутью и медью.¹⁸ Параллельно Эльза убеждала врачей, что она симулировала безумие, чтобы избежать правосудия. Врачи диагностировали у пациентки

¹² См.: Manuel pratique de médecine mentale. Paris, 1885. P. 27.

¹³ См.: Becker A. From War to War: a Few Myths, 1914–1942 // France at war in the twentieth century: propaganda, myth and metaphor. New York; Oxford, 2000. P. 19.

¹⁴ Ковалевский П. И. Нервные болезни нашего общества. Харьков, 1894. С. 121–122.

¹⁵ Genil-Perrin. L'asthénie anxieuse // La Prophylaxie mentale: bulletin trimestriel de la Ligue d'hygiène mentale. 1928. № 1. P. 438.

¹⁶ Комплекс лечебных учреждений, в том числе психиатрическая лечебница в Нейи-сюр-Марн.

¹⁷ Guillemain H. Op. cit. P. 116.

¹⁸ См.: Ibid. P. 203.

dementia praecox (раннее слабоумие). Этот термин,¹⁹ введенный знаменитым психиатром Э. Крепелином, впоследствии заместился термином «шизофрения»,²⁰ который, в свою очередь, несколько десятилетий существовал параллельно с *dementia praecox*.

В лечебнице в г. Манне, где, по утверждению французского историка С. Тизона, находилось на стационарном лечении «множество женщин, затронутых войной», содержалась Берта Р., 60 лет, госпитализированная в феврале 1916 г. Она утверждала, что может воскрешать мертвых и хочет превратить немцев во французов. В симптоматике присутствовали бред, галлюцинации зрения и слуха, чередование фаз сильной депрессии и приступов возбуждения, во время которых Берта заявляла о своих сверхъестественных способностях, рвала на себе одежду, постельное белье и пыталась выпрыгнуть из окна. Считалось, что Берта с рождения не имела никаких психических отклонений.²¹ Главный врач больницы, психиатр Бурден, колебался между двумя возможными причинами появления подобной симптоматики. Первая помещала психическую патологию пациентки в контекст возрастной дегенерации, осложненной злоупотреблением алкоголем. Вторая интерпретация Бурдена тесно связана с контекстом войны: именно после того, как Берта в октябре 1914 г. узнала, что ее сын был ранен на фронте, она заявила, что обладает силой воскрешать мертвых.²² Историк С. Тизон и Э. Гийемен задаются вопросом: чем можно объяснить столь запоздалую манифестацию психического расстройства, тем более что жизнь Берты не была отмечена душевными болезнями? Они обращают внимание, что широкое присутствие подобных Берте пациентов ставило под сомнение актуальный на протяжении последней трети

XIX в. дискурс об «отягощенной наследственности» (*credo héréditariste*), но не поколебало его полностью.²³ Однако на сегодняшний день шизофрения как болезнь остается рабочей гипотезой, не имеющей унитарной этиологии и однозначного патогенеза. В психиатрической генетике прочно утвердились представления о полигенно-многофакторной природе шизофрении со сложным взаимодействием генетических полиморфизмов и средовых условий, включающих пре- и постнатальные особенности развития, а также последующие влияния.²⁴ Вероятно, психиатры начала XX в. были не так уж неправы, выдвигая фактор наследственности на первый план. С другой стороны, отсутствие в анамнезе пациента психиатрических заболеваний не равно отсутствию предрасположенности, вызванной генетическим фактором. В этом случае средовые факторы могут оказаться триггерами или блокаторами заболевания.

Еще один клинический случай французские психиатры обозначили как «копание трупов». Пациентка С. поступила в лечебницу Святой Анны добровольно 19 января 1919 г. В справке, выданной доктором Лассозом, значилось: «После гибели сына-летчика, ее душевное равновесие было глубоко нарушено. В течение нескольких недель ее врач и ее доверенное лицо стали свидетелями развития бессвязных реплик, куда ежеминутно примешивалось воспоминание о ее сыне, в смерти которого она винит себя. За последние восемь дней эти нестыковки приняли характер бреда. Ночью она издает крики, в которых смешаны воедино ее сын, авиация, честь, долг, страна и желание попасть в лечебницу Святой Анны». При осмотре больной в приемном отделении врачи диагностировали многочисленные галлюцинации, экзофтальм,²⁵ тремор. Мысли о самоубийстве у С. появились с конца 1918 г. (вскоре после смерти сына, 26 сентября 1918 г.). Ее муж сообщил, что при известии о смерти сына супруга уехала на фронт, чтобы осмотреть могилу, после приезда в Париж решила вернуться обратно, чтобы похоронить ребенка, преуспела в этом, однако вернулась в Париж убежденная, что она похоронила останки не своего сына. По этому вопросу

¹⁹ Это вышедший из употребления психиатрический диагноз, который первоначально обозначал хроническое ухудшающееся психотическое расстройство, характеризующееся быстрой когнитивной дезинтеграцией. В случае с Эльзой доктора констатировали негативизм (активное, агрессивное сопротивление), кататонический синдром (расстройство, при котором преобладают нарушения в двигательной сфере, характеризующиеся картиной заторможенности (ступора) или возбуждения), гебефреническое возбуждение (дурашливость, гримасничанье), манерную речь, идеи преследования, бессмысленный смех и т. д.

²⁰ В 1911 г. директором цюрихской психиатрической клиники Э. Блейером издана монография, в которой ранее слабоумие получило новое название — шизофрения. Блейер также обратил внимание, что для *dementia praecox* характерно расщепление единства личности. См.: Каннабих Ю. История психиатрии. М., 2019. С. 365.

²¹ Tison S., Guillemain H. Op. cit. P. 91.

²² Ibid. P. 91.

²³ Ibid. P. 92.

²⁴ Психиатрия: национальное руководство. М., 2021. С. 219.

²⁵ Экзофтальм — смещение глазного яблока вперед (выпученные глаза), в некоторых случаях сопровождается смещением в стороны.

С. консультировалась с гадалками, после чего приняла решение эксгумировать труп, чтобы еще раз убедиться в подлинности останков.²⁶ Вероятно, мы можем утверждать, что у С. проявлялся обсессивный синдром, выраженный в проявлении навязчивых сомнений. Подобные тревожность, нервозность и мнительность в отношении погибших родственников были характерны для современников войны. Эмоциональную обстановку усложнял тот факт, что только в июле 1920 г. во Франции было разрешено возвращение тел погибших. Первые похоронные конвои с гробами комбатантов прибыли в родные города весной 1921 г. Таким образом, некоторые семьи почти семь лет ждали возвращения тел своих родственников, погибших в боях 1914 г.²⁷

Мы отметили деструктивное влияние гибели близкого человека на женскую психику, что в целом является традиционным моментом, а не исключительным фактором Первой мировой войны: вне нашего внимания осталось еще множество подобных клинических случаев. Однако в условиях тотального конфликта гибель близких родственников стала массовой, она создавала атмосферу коллективного траура и скорби, что является благоприятной почвой для возникновения и усугубления психогений. В некоторых случаях сопряженность личного переживания с социальными практиками эпохи приводила к травмирующему результату: пациентка Б. испытала сильное потрясение в результате потери супруга в Аррасе в 1915 г., ее состояние омрачалось бредовыми мыслями, в частности, она говорила о том, что предпочла бы победу немцев в обмен на жизнь своего мужа. Эти нездоровые реплики вызвали ожесточенную реакцию сограждан, заряженных официальной пропагандой и нечутких к чужой утрате: соседи стали преследовать Б. за пораженческие настроения, доносили на нее в полицию,²⁸ что, безусловно, способствовало развитию паранойяльного синдрома.

Стоит выделить в качестве перспективного направления изучение женской психики как реципиента пропаганды. Как отмечал социолог и писатель Г. Брех, существует «параллелизм между газовой войной как попыткой оку-

тать противника достаточно плотным для его физического уничтожения ядовитым облаком, а также производством массовых маниакальных состояний как попыткой погрузить население в достаточную для его саморазрушения, сверх меры заряженную жаждой «суперудовлетворений» экстатическую атмосферу»,²⁹ журналистам при этом отводится роль анестезиологов, следящих за стабильностью коллективного транса.³⁰ Французские психиатры в годы войны отмечали случаи (правда, все они диагностировались у мужчин, так как они находились под наблюдением военных медиков, будучи армейскими офицерами и унтер-офицерами) психических отклонений, вызванных экзальтацией, связанной с «атмосферой войны» и действием пропаганды.³¹ «Массовый человек» был широко представлен в политике, военном деле, подвергался воздействию полуграмотных, спекулятивных исторических концепций. Так, г-н Н., 19 лет, переведенный в психиатрическую лечебницу в 1917 г., имевший поверхностные знания об окружающей действительности, умеющий лишь читать и писать, был увлечен коллективным возбуждением и с большим энтузиазмом воспринимал и изобретал (на самом деле это были искаженные его восприятием многочисленные заметки в журналах и газетах) политические идеи, исторические корни «образа Другого» («проклятая прусская порода»), любил говорить на широкую публику о дипломатических и военных коллизиях, в которые попадала Франция. Другой пациент, госпитализированный в 1918 г., составлял полную противоположность первому: он также увлекался философскими и политическими идеями и в ходе своей «интеллектуальной эволюции» от христианского идеализма пришел к идее отрицания войны. В его понимании война являлась досадным препятствием на пути к его проектам по «реформированию человечества». Пациент высказывал прогерманские симпатии, на этой волне занимался якобы генеалогическими изысканиями, которые «роднили его с Германией», жаловался на то, что вокруг еще никто не достиг его интеллектуального уровня.³² Медики отмечали, что война — серьезное эмоциональное

²⁶ См.: Briand M., Porcher Y. Les douteurs, déterreurs de cadavres (présentation de malade) // Bulletin de la Société clinique de médecine mentale. 1920. № 1. P. 7–8.

²⁷ См.: Tison S., Guillemain H. Op. cit. P. 94.

²⁸ См.: Pascal C., Royer J. Le joie qui guérit // L'Hygiène mentale: journal de psychiatrie appliquée. 1935. № 8. P. 157, 158.

²⁹ Цит. по: Слотердайт П. Сферы. СПб., 2010. Т. 3: Пена. С. 186.

³⁰ См.: Там же. С. 187.

³¹ См.: Azemar Ch., Didier P. Idealistes passionnés de la Patrie pendant la Guerre // Annales medico-psychologique. Paris, 1920. No. 12. P. 5–22.

³² Ibid. P. 9–11.

потрясение для нации, и это потрясение не только стало вызовом для умственно и душевно здоровых людей, но также было «звонком для собрания всех умалишенных».³³ В этой связи принципиально важно услышать и «голос женщин»: оказались ли они восприимчивы к воздействию пропаганды — погружению страны в «боевой климат»? Насколько широко война проявила дремавшие в психике зачатки будущих расстройств?

Разумеется, не только воздействие пропаганды, но также формирование «футурошока», требующего изменения самоидентификации в условиях быстрых перемен, вызывали диссонанс. Психиатр П. Курбон в 1918–1920-х гг. работал с женщинами, проживавшими на территории Эльзаса. После заключения перемирия патриотическая экзальтация вкупе с сильной тревогой о будущем способствовали поддержанию высокого уровня госпитализации женщин в психиатрическую лечебницу Стефансфельд. На учете у Курбона состояло как минимум две пациентки с диагнозом «меланхолия». Одна, 46-летняя жена школьного учителя, страдала от переживаний, связанных со сменой образа жизни, необходимостью учить французский язык и страха за судьбу мужа, которого «могут осудить за германофилию». Другая, 64-летняя вдова железнодорожника, пыталась покончить жизнь самоубийством из-за неопределенности будущего, дороговизны цен, потенциального отсутствия социальных гарантий нового правительства.³⁴ Впрочем, доктор Курбон отмечает, что во всех приведенных им клинических случаях превалирует фактор наследственности (родители пациенток имели психические отклонения). Врач также обращал внимание на присутствие в анамнезе практики «метафизических увлечений»³⁵ (очевидно, имелась в виду склонность к магии и оккультизму — тема, чрезвычайно занимавшая психиатров начала XX в.).

П. Курбон описывает «депрессию, отягощенную суицидальными настроениями и паранойяльным бредом» и «полиморфный психопатический припадок»³⁶ с галлюцинаторным возбуждением» и эротоманией у девушек-машинисток.³⁷ Однако их психическое состояние

врач не связывает с военной ситуацией — проблема заключалась в необходимости коммуникации с мужчинами-коллегами, которая, с одной стороны, кружила им головы, а с другой — выходила за рамки предписанных обществом норм поведения, вызывая эмоциональный диссонанс. Подобная ситуация была актуальна для эпохи модерна с ее тенденцией к смещению социальной нормы в практике общения мужчин и женщин.

Широко обсуждаемым среди европейских психиатров в начале XX в. являлся так называемый трансвестизм — переодевание женщин в солдатскую униформу, вызванное стремлением попасть на фронт. В некоторых случаях разоблаченные женщины, стремившиеся исполнить патриотический долг, желавшие быть рядом с воюющим супругом или «ощущавшие себя естественно в мужской униформе», направлялись на психиатрическую экспертизу.³⁸ По мнению немецкого сексолога М. Хиршфельда, великое множество женщин было бы готово откликнуться на призыв защищать родину на фронтах войны, если бы таковой последовал.³⁹ В контексте французского опыта известны случаи Мадлен Пеллетье и Сюзанны Левуайе, которые дважды писали военному министру, чтобы их зачислили в солдаты. Подобное стремление нарушить гендерный барьер рассматривалось как патология.⁴⁰

Отдельного рассмотрения заслуживает эмоциональное состояние женщин в оккупированных зонах: на Севере Франции и в Бельгии. Исследователи констатируют, что в оккупированных северных районах Франции аменорея была выявлена у 45% женщин, ранее не имевших подобных расстройств. В качестве причин указываются голод и проблемы с психикой.⁴¹ Более масштабная проблема связана с окончанием оккупации и судьбой «женщин бошей» (*femmes à Boches*), имевших (по разным причинам) романтические отношения с немецкими офицерами и солдатами в годы войны. *Femmes à Boches* широко осуждались обществом, так как связи между немцами и француженками/бельгийками

³³ Ibid. P. 22.

³⁴ См.: Courbon P. De l'influence de retour de l'Alsace à la France sur les psychopates alsaciens // *Annales medico-psychologique*. Paris, 1920. No. 12. P. 492, 493.

³⁵ Ibid. P. 499.

³⁶ Возможно, имеется в виду острое полиморфное расстройство, внешне проявляющееся в виде психоза.

³⁷ Ibid. P. 498, 499.

³⁸ Tréhel G. *Combattantes de la Grande Guerre et médecins psychanalystes* // *La Guerre et les Femmes*. Paris, 2018. P. 187–199. URL: <https://www.cairn.info/la-guerre-et-les-femmes-9782705695910-page-187.htm> (дата обращения: 23.12.2022).

³⁹ См.: Ibid.

⁴⁰ См.: Naour J.-Y. Le. *Le héros, la femme honnête et la putain: la Première Guerre mondiale et les mutations du genre* // *Le genre face aux mutations: masculin et féminin, du Moyen Âge à nos jours*. Rennes, 2003. URL: <https://books.openedition.org/pur/15910?lang=fr> (дата обращения: 23.12.2022).

⁴¹ См.: Becker A. *Guerre totale et troubles mentaux*. P. 140.

воспринимались как нарушение национальной солидарности, совокупности «моральных и патриотических запретов». Завершение войны стало для этих женщин настоящей эмоциональной гибелью: их стригли налысо, прилюдно раздевали, наряжали в немецкую форму и водружали им на голову пикельхельм, нарочито отказывая в ношении национальной символики.⁴² Другая эмоциональная трагедия, с которой сталкивались обвиняемые — это феномен так называемых детей врага, родившихся после изнасилований, совершенных немецкими военными. Эта проблематика рассматривалась французским историком С. Одуэном-Рузо в монографии «Дети врага 1914–1918. Изнасилование, аборт, детоубийство в годы Великой войны». В основе этой книги лежит событие, вызвавшее широкий резонанс в обществе: в августе 1916 г. молодая служанка Жозефина из Мёрт-и-Мозель убила своего новорожденного ребенка, заявив, что она не желает воспитывать «рожденного от отца-боша». 23 января 1917 г. она предстала перед судом присяжных, которые продемонстрировали снисходительность к обвиняемой и под аплодисменты публики вынесли оправдательный вердикт. Адвокат Жозефины подчеркивал травмированное состояние своей подзащитной после изнасилования и приравнял детоубийство к реальному акту войны, подавлению «маленького немца», представителя «расы варваров, раздвинувшей границы ужаса».⁴³

После перемирия 1918 г. Франция чтит своих погибших и физически раненных, но мало кто обращал внимание на психически раненных, глубоко пораженных жестокостью и ужасом боевых действий. Важно отметить, что не только ветераны формировали «ландшафт памяти» в послевоенной Франции: в этом процессе участвовали вдовы, сироты, родственники погибших на фронтах войны. Обращение к теме смерти и «показная демонстрация» траура со стороны этих акторов памяти настолько превалировали над ощущением победы, что С. Одуэн-Рузо предполагал, что подобная ситуация достойна внимания специалистов в области психиатрии.⁴⁴ Демонстративное переживание скорби выражалось в создании многочисленных памятных табличек на могилах убитых, где жены, матери и сестры изливали свои интимные переживания в форме «диалога с умершим». Обрели особую популярность

сеансы спиритизма, существовали многочисленные эзотерические журналы, повествующие о медиумах, новых духовных каналах, открывшихся после войны. Очевидно, подобные мистические публикации появлялись с целью демпфировать стрессовое состояние психики у женщин.

Своеобразной психологической отдушной стало появление духоподъемных публикаций, специализированных газет, в которых подписчицы делились своими горестями и переживаниями, неизменно подписываясь «вдова» или «сирота», так что это было постоянным основанием их самоидентификации. Одна из них называлась «Господь, Франция, наши дети: вдовам войны». В предисловии указывалось: «Я буду с тобой в часы усталости, уныния, сомнения, отчаяния. Когда тяжесть жизни на твоих плечах кажется невыносимой, когда ты чувствуешь себя одинокой в своей безмерной боли, смешанной с не всем понятной гордостью, возможно, ты найдешь на этих страницах ту мысль, которую искала твоя измученная душа. Ты не имеешь права отдаваться своей боли: ты должна бороться с силами, ты должна жить. Твой муж был героем перед лицом смерти: солдатская жена, будешь ли ты трусом перед лицом жизни?»⁴⁵ Тем не менее не все женщины смиренно воспринимали свое вдовство и сиротство. Исследователем О. Бартовым была рассмотрена история, произошедшая в декабре 1927 г.: вдова Делор попыталась убить мэра Тулона Э. Клода, нанеся ему ножевые ранения в область лица, шеи и груди. Покушение на убийство вдова совершила в состоянии умопомешательства, которым постоянно страдала после смерти мужа, лейтенанта колониальной пехоты.⁴⁶

Другим способом пережить травмирующие последствия Первой мировой войны стало злоупотребление алкоголем. Один из влиятельных французских журналистов Ж. Рейнах писал, что «после войны проблема женского алкоголизма значительно усилилась, особенно эта проблема затронула жен призывников, которые часть своего довольствия неизменно тратили на выпивку»,⁴⁷ газетные хроники времен Первой мировой войны, в свою очередь,

⁴² См.: Debruyne E. Op. cit.

⁴³ Audoin-Rouzeau S. Op. cit.

⁴⁴ См.: Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 237.

⁴⁵ Dieu, la France, nos enfants: aux veuves de la guerre. Paris, 1916.

⁴⁶ См.: Bartov O. Martyrs' Vengeance: Memory, Trauma, and Fear of War in France 1918–40 // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1996. Vol. 22, № 1. P. 47, 48.

⁴⁷ Reinach J. La Guerre de 14–18. Les Commentaires de Polybe. Paris, 1919. Vol. 19. P. 340–343.

пестрели сводками о количестве выявленных опиумных притонов, продаж поддельных рецептов, торговле наркотиками (преимущественно кокаином). По состоянию на 1916 г. наиболее активными в этой сфере, как среди потребителей, так и среди продавцов, были женщины.⁴⁸

Таким образом, мы можем предположить, что по итогам Первой мировой войны в результате выхода женщин в авангард общественной жизни француженки стали объектом пристального внимания врачей-психиатров. На наш взгляд, это связано с потенциальным антиобщественным поведением женщин, страдавших душевными болезнями. Если до Великой войны женщина находилась в тени экономических и социальных практик, и поэтому ее безумие не имело большого значения за пределами семьи, то период 1914–1918 гг. сделал ее душевные расстройства видимыми для общества. Асоциальное поведение женщин обсуждалось врачами-психиатрами, находило свое отражение в траурных практиках и заметках журналистов, определяя специфику эмоционального состояния французского общества межвоенного периода. Медиками были диагностированы случаи шизофрении, обсессивно-компульсивного расстройства, продуктивная симптоматика в виде галлюцинаторного возбуждения, бреда, появления сверхценных идей. Многие из эпизодов были неразрывно связаны с травматическими последствиями Великой войны (потерей близких, условиями оккупации, карточным пита-

нием и т. д.), которые послужили спусковым механизмом для манифестации расстройства.

Подводя итог, хотелось бы отметить перспективность исследования влияния носителей/носительниц психических и неврологических заболеваний, спровоцированных Великой войной, на социальную и психоэмоциональную обстановку в европейских странах межвоенного периода. Представляется важным ответить на вопрос, насколько военная травма, психоэмоциональный стресс населения обусловили специфику политического развития Франции и восприятия политических усилий правительств? Какую роль стресс-индуцированные расстройства сыграли в увеличении количества уголовных правонарушений, распространении проституции и т. д.? В числе перспективных сюжетов, не нашедших отражения в статье, можно также выделить изучение эмоционального состояния женщин — работниц, занятых в промышленном производстве, отличающемся изнурительным трудом, высокой продолжительностью рабочей смены, низкой заработной платой, высоким уровнем травматизма. Нуждается в детальном рассмотрении вопрос о влиянии пропаганды, официального дискурса о войне на эмоциональное состояние французских (и шире — европейских) женщин, это представляется важным и в том смысле, что женщина, оставаясь в тылу, но поддерживая связь с мужчинами на фронте, становилась проводником национальной пропаганды и предписанных ею эмоций.

Yulia M. Galkina

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: galkinskaya@gmail.com

FRENCH WOMEN'S MENTAL DISORDERS DURING THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the problem of the mental health of French women during the First World War, which has not yet been covered in the Western historiographical tradition. The author considers cases of mental disorders caused or provoked by the state of hostilities, the social and stressful situation of the 1914–1918 conflict. The source base for the study was professional medical journals in the field of psychiatry and neurology, as well as publications of professional medical associations. The clinical cases identified by the author made it possible to identify and classify the main triggers of mental illness: the loss of a relative at the front, the events accompanying the state of occupation, the impact of propaganda. The author also traces the ways to resolve the mental conflict: in addition to inpatient treatment in psychiatric institutions, women who experienced the traumatic consequences of the First World War, found solace in occult practices, organizing communication with like-minded people, and alcohol abuse. The study is relevant in the context of the debatable issue of the etiology of mental disorders: at the turn of the 19th–20th centuries in European and Russian medicine, the discourse about degeneration dominated, as well as the idea of heredity as a source of mental illness of the population. According to some French researchers, the First World War called into question this conviction, forcing representatives of medical science to reconsider their views due to the admission of patients with no previous history of psychiatric diagnoses to specialized hospitals.

⁴⁸ См., напр.: *Annales medico-psychologique*. Paris, 1917. № 8. P. 137, 138, 267–269.

Keywords: *psychiatry, gender, First World War, France, medicine, mental health*

REFERENCES

- Annales medico-psychologique*. Paris: Masson, 1917, no. 8. (in French).
- Audoin-Rouzeau S. *L'enfant de l'ennemi 1914–1918. Viol, avortement, infanticide pendant la Grande Guerre*. Paris: Aubier, 1995. (in French).
- Audoin-Rouzeau S., Becker A. *14–18, retrouver la Guerre*. Paris: Gallimard, 2000. (in French).
- Azemar Ch., Didier P. Idealistes passionnés de la Patrie pendant la Guerre. *Annales medico-psychologique*. Paris: Masson, 1920, no. 12, pp. 5–22. (in French).
- Bartov O. Martyrs' Vengeance: Memory, Trauma, and Fear of War in France 1918–40. *Historical Reflections / Réflexions Historiques*, 1996, vol. 22, no. 1, pp. 47–76. (in English).
- Becker A. From War to War: a Few Myths, 1914–1942. *France at war in the twentieth century: propaganda, myth and metaphor*. New York; Oxford: Bergham Books, 2000, pp. 15–26. (in English).
- Becker A. Guerre totale et troubles mentaux. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2000, vol. 55, iss. 1, pp. 135–151. DOI: 10.3406/ahess.2000.279836 (in French).
- Briand M., Porcher Y. Les douteurs, déterreurs de cadavres (présentation de malade). *Bulletin de la Société clinique de médecine mentale*, 1920, no. 1, pp. 7–9. (in French).
- Cabanes B. Ennui et expérience de guerre. L'émergence d'un discours scientifique au XXe siècle. *L'ennui. Histoire d'un état d'âme (XIXe–XXe siècle)*. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2012. (in French).
- Cabanes B. *La victoire endeillée. La sortie de guerre des soldats français 1918–1920*. Paris: POINTS, 2014. (in French).
- Courbon P. De l'influence de retour de l'Alsace à la France sur les psychopates alsaciens. *Annales medico-psychologique*. Paris: Masson, 1920, no. 12, pp. 489–500. (in French).
- Debruyne E. Les “femmes à Boches” en Belgique et en France occupée (1914–1918). *Revue du Nord*, 2014, no. 1–2 (404–405), pp. 157–185. DOI: 10.3917/rdn.404.0157 (in French).
- Dufaud G. Les fous de Bruxelles. *La vie des idées*, 2014, 27 Août. Available at: <https://lavedesidees.fr/Psychiatrie-bruxelloise.html> (accessed: 20.12.2022). (in French).
- Genil-Perrin. L'asthénie anxieuse. *La Prophylaxie mentale: bulletin trimestriel de la Ligue d'hygiène mentale*, 1928, no. 1, pp. 435–438. (in French).
- Guignard L., Guillemain H., Tison S. *Expériences de la folie. Criminels, soldats, patients en psychiatrie (XIXe–XXe siècle)*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. (in French).
- Guillemain H. *Schizophrènes au XXe siècle. Des effets secondaires de l'histoire*. Paris: Alma Éditeur, 2018. (in French).
- Kannabikh Yu. *Istoriya psikiatrii* [History of Psychiatry]. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., 2019. (in Russ.).
- Majerus B. *Parmi les fous. Une histoire sociale de la psychiatrie au XXe siècle*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. (in French).
- Naour J.-Y. Le. Le héros, la femme honnête et la putain: la Première Guerre mondiale et les mutations du genre. *Le genre face aux mutations: Masculin et féminin, du Moyen Âge à nos jours*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2003, pp. 307–315. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.pur.15910> (in French).
- Pascal C., Royer J. Le joie qui guérit. *L'Hygiène mentale: journal de psychiatrie appliquée*, 1935, no. 8, pp. 157–165. (in French).
- Psikiatriya: natsional'noye rukovodstvo* [Psychiatry: A National Guide]. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2021. (in Russ.).
- Radkau J. *Epokha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera* [The Era of Nervousness. Germany from Bismarck to Hitler]. Moscow: ID VShE Publ., 2017. (in Russ.).
- Reinach J. *La Guerre de 14–18. Les Commentaires de Polybe*. Paris: E. Fasquelle, 1919, vol. 19. (in French).
- Sloterdijk P. *Sfery* [Spheres]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2010, vol. 3. Foams. (in Russ.).
- Starobinsky Zh. *Chernila melankholii* [Ink of Melancholy]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2022. (in Russ.).
- Tison S., Guillemain H. *Du front à l'asile 1914–1918*. Paris: Alma Éditeur, 2013. (in French).
- Tréhel G. Combattantes de la Grande Guerre et médecins psychanalystes. *La Guerre et les Femmes*. Paris: Hermann, 2018, pp. 187–199. Available at: <https://www.cairn.info/la-guerre-et-les-femmes--9782705695910-page-187.htm> (accessed: 23.12.2022) (in French).

Для цитирования: Галкина Ю. М. Психические расстройства французских женщин в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-87-95.

For citation: Galkina Y. M. French Women's Mental Disorders during the First World War // Ural Historical Journal, 2023, no. 2 (79), pp. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-87-95.